

УДК 81'366.547:811.511.151

DOI 10.30914/2072-6783-2025-19-3-406-414

К ВОПРОСУ ОБ АБЛАТИВЕ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ДИАЛЕКТНОГО СЛОВАРЯ ЭДЕНА БЕКЕ)

М. Н. Кузнецова

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Статья является первым научным исследованием с историческим экскурсом в развитие аблатива на *-леч* в марийском языке, в которой дается подробный анализ семантической структуры на базе всех говоров марийского языка. Отделительный (исходный, отложительный) падеж не входит в падежную систему современного марийского языка, поэтому среди работ, посвященных аблативу и его форманту, можно назвать только работы Е. И. Коведяевой и Г. М. Тужарова. Если в первой работе падеж анализируется в рамках пространственных направительных падежей с коаффиксом *-л-*, то во второй раскрываются функции падежа на базе языкового материала йошкар-олинского говора лугового наречия. **Цель исследования:** на основе грамматического и семантического анализа аблативных форм показать, что аблатив является полноценным падежом в марийском языке. **Материалы и методы:** научные статьи и монографии по исследованию падежей в финно-угорских языках, «Марийский диалектный словарь», составленный венгерским академиком Э. Беке. При написании статьи использовались сравнительно-исторический, описательный, статистический методы. **Результаты исследования, обсуждения.** Развитие и становление аблатива на *-леч*, как самостоятельного падежа, прослеживается с первой грамматики марийского языка по настоящее время, включая грамматики российских и зарубежных авторов. На базе богатого языкового материала диалектного словаря Э. Беке устанавливается ареал падежа, выявляются основные функции, раскрывается его семантика. **Заключение.** Аблатив на *-леч* является продуктивным падежом в говорах марийского языка, наиболее широко он используется в восточном диалекте, хорошо сохранился в северо-западном говоре западного диалекта марийского языка. Падежу присущи как собственно пространственные, так и непространственные функции. В семантической структуре аблатива выделяются 17 значений.

Ключевые слова: марийский язык, падежная система, пространственно-местные падежи, аблатив на *-леч*, семантика падежа

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Кузнецова М. Н. К вопросу об аблативе в марийском языке (на материале диалектного словаря Эдена Беке) // Вестник Марийского государственного университета. 2025. Т. 19. № 3. С. 406–414. DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2025-19-3-406-414>

ON THE QUESTION OF THE ABLATIVE IN THE MARI LANGUAGE (BASED ON THE DIALECT DICTIONARY OF EDEN BEKE)

M. N. Kuznetsova

Mari State University, Yoshkar-Ola, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article is the first scientific study with a historical digression into the development of the ablative in the Mari language, which provides a detailed analysis of the semantic structure based on all dialects of the Mari language. The separative (initial, defunct) case is not included in the case system of the modern Mari language, therefore, among the works devoted to the ablative and its formant, only the works of E. I. Kovedyeva and G. M. Tuzharov can be named. If in the first work the case is analyzed within the framework of spatial directional cases with the coaffix *-l-*, then in the second the functions of the case are revealed on the basis of the language material of the Yoshkar-Ola dialect of the meadow dialect. **The purpose** of the study is to show, based on the grammatical and semantic analysis of the ablative forms, that the ablative is a full-fledged case in the Mari language. **Materials and methods.** Scientific articles and monographs on the study of cases in Finno-Ugric languages, the Mari Dialect Dictionary compiled by the Hungarian academician E. Beke. The article uses comparative-historical, descriptive, and statistical methods. **Research results and discussions.** The development and formation of the ablative case on *-lech* as an independent case is traced from the first grammar of the Mari language to the present day, including grammars by Russian and foreign authors. Based on the rich linguistic material of E. Beke's dialect dictionary, the area of the case is established, its main functions are identified, and its semantics are revealed. **Conclusion.** The ablative on *-lech* is a productive case in the dialects of the Mari language, and it is most widely used in the eastern dialect. It is well

preserved in the northwestern dialect of the western dialect of the Mari language. The case has both spatial and non-spatial functions. In the semantic structure of the ablative 17 meanings are distinguished.

Keywords: Mari language, case system, spatial-local cases, ablative on *-lech*, case semantics

The author declares no conflict of interest.

For citation: Kuznetsova M. N. On the question of the ablative in the Mari language (based on the dialect dictionary of Eden Beke). *Vestnik of the Mari State University*, 2025, vol. 19, no. 3, pp. 406–414. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2025-19-3-406-414>

Введение

Статья является первым научным исследованием с историческим экскурсом в развитие аблатива на *-lech* в марийском языке, в которой дается подробный анализ семантической структуры на базе всех говоров марийского языка. Отложительный падеж не входит в падежную систему современного марийского языка, поэтому среди работ, посвященных аблативу и его форманту, можно назвать только работы Е. И. Коведяевой [1; 2] и Г. М. Тужарова [3]. Если в первых работах падеж анализируется в рамках пространственных направительных падежей с коэффициентом *-л-*, то в работе Г. М. Тужарова раскрываются функции падежа на базе йошкар-олинского говора лугового наречия. Отметим, что Г. М. Тужаров (1931–2009) являлся единственным марийским лингвистом, занимавшимся грамматической категорией падежа, благодаря научным исследованиям которого в современную падежную систему включены компаратив и комитатив, и который в своих работах кроме статуса аблатива поднимал также вопросы о таких падежах, как абессив, каузатив, аппроксиматив и элатив [4–6].

Отрадно то, что в последнее время в российском финно-угорском языкознании защищаются научные диссертации по проблемам падежей, по функциям, раскрывается семантика падежей¹, публикуются монографии [7; 8] и многочисленные статьи, рассматривающие падежи и падежные системы в сравнительно-историческом, сопоставительном, контрастивном и когнитивном русле. Особый интерес исследователей вызывают

¹ Усачева М. Н. Локативные падежи в составе групп с пространственным значением в пермских языках : дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 295 с. ; Кузнецов Н. В. Пространственная семантика местных падежей коми языка (когнитивный анализ). *Dissertationes Philologiae Uralicae Universitatis Tartuensis* 12. Тарту : Tartu Ülikooli Kirjastus, 2012. 243 с. ; Мосина Н. М. Семантика глубинных падежей и морфологические средства их выражения в эрзянском языке : дис. ... д-ра филол. наук. Саранск, 2014. 321 с.

пространственно-местные падежи [9; 10; 11; 12; 13], функцией которых является обозначение физического положения, действия или движения траектора относительно пространственного ориентира². Отметим и тот факт, что с присвоением статуса государственного языка наряду с марийским луговым марийскому горному в последние десятилетия появляются исследования об отдельных падежах марийского горного языка [14–19]. На наш взгляд, языковые проблемы желательнее рассматривать в рамках марийского языка с включением данных диалектов и говоров.

Цель исследования: на основе грамматического и семантического анализа аблативных форм показать, что аблатив является полноценным падежом в марийском языке.

Материалы и методы: научные статьи и монографии по исследованию падежей в финно-угорских языках. Выявление функций падежа, раскрытие его семантики проводится на языковом материале «Марийского диалектного словаря» Э. Беке [20]. При написании статьи использовались сравнительно-исторический, описательный, статистический методы.

Результаты, обсуждение

Впервые аблативный показатель *-lech/-лец* зафиксирован в черемисской грамматике В. Пуцек-Григоровича и отнесен к предлогам, которые «у Черемис позади *Именительного* падежа поставляются»³. Проблема в том, что образцом для марийских падежей служила падежная система, изложенная М. В. Ломоносовым в «Российской грамматике», хотя великий ученый к шести

² Кузнецов Н. В. Пространственная семантика местных падежей коми языка (когнитивный анализ). *Dissertationes Philologiae Uralicae Universitatis Tartuensis* 12. Тарту : Tartu Ülikooli Kirjastus, 2012. С. 11.

³ Пуцек-Григорович В. Сочинения, принадлежащие к грамматике черемисского языка. СПб., 1775. С. 131.

известным падежам предложил особый предложный падеж для русского языка¹. Падежный формант *-лец* встречается в марийской грамматике только при местоимениях в формах творительного падежа: *милецем* 'от меня', *нунолец* 'от них', *шкелецежст* 'от них самих' и т. д.²

В «Черемисской грамматике» А. Альбинского вместо творительного падежа первой грамматики приводится уже *пословный* падеж, «когда после слова стоит какое-то пословие», например *церкашка* 'в церковь', *кид доно* 'рукой' и т. д.³, и окончание *-лец* отнесено к пословиям⁴, Автор использует его в сравнительных конструкциях: *циля тя-лец-да проц парга яньгань* 'весьма робок в сравнении со всеми вами' и с именами числительными: *нына-лец визытын* 'пятеро из них'⁵.

Марийский ученый В. М. Васильев причисляет суффикс *-леч/-лец* к окончаниям падежа, обозначенного им как «падеж с послелогоми и наречиями, употребляемыми в смысле послелогов»⁶. Его основная функция – обозначение «отправления движения от границы какого-либо предмета или от близи его (но не изнутри)»⁷, и во всех случаях аблативные формы переводятся на русский язык формами родительного падежа с предлогами, например: *койышым ачат лэч нал* 'возьми пример с отца'; *письма акам лэч толын* 'письмо пришло от старшей моей сестры'; *пайрам лэч ожно толам* 'я прибуду до праздника'; *поро лэч поро* 'добрый из добрых'; *анажэз изаж лэч* 'полоса его находится в пользовании у его брата'⁸.

Отметим, что в школьных грамматиках по марийскому языку, изданных в 20–30-х гг. XX века и далее, аблатив как падеж не указывается, формант *-леч* упоминается иногда в связи с наречиями.

Аблатив на *-леч* получает статус самостоятельного падежа в грамматиках, изданных за рубежом, для авторов которых марийский язык является финно-угорским языком с агглютинативным строем и с развитой системой пространственно-

местных падежей с вопросами где? куда? откуда? Поэтому вполне закономерно, что уже в грамматике М. Кастрена выделяются иллатив, инессив, аблатив на *-kic (-yic)*, суперлатив на *-kac/-gac*⁹.

В грамматике венгерского ученого Э. Беке, составленной на материалах всех ранее опубликованных источников по марийскому языку, аблатив на *-леч* вводится уже в падежную систему марийского языка [21, с. 252–255]. Ученый подчеркивает, что формант *-лец* в западных говорах исчезает, заменяется окончанием элатива на *-гйц*, но в переводах Евангелий встречаются примеры с *-лец*: *йымылец* 'от Бога', *сулыквләлец* 'от грехов' [21, с. 214]. Он обращает внимание на частое использование с причастиями: *кучо мыньым вочмылеч* 'держи меня, чтобы я не упал' [21, с. 148] и приводит примеры с глаголами, управляющими аблативом: *пырыслеч от лут ыле* 'ты не боялся кошки'; *поро юмывлаклеч таче еш перкем йотна* 'у добрых богов мы сегодня попросили обилие для семьи'; *минь тутлеч налым* 'я взял у него' и т. д. [21, с. 215]. Как и А. Альбинский, отмечает использование аблатива в сравнительных конструкциях: *мўлеч, сакыр-леч тутло* 'слаще меда, сахара'; *ошолеч ошо ош йўксет* 'белее белого белый лебедь'; *тудо чыла-леч куго* 'он всех больше' [21, с. 216].

Другой венгерский финно-угровед Г. Березки вводит аблатив в падежную систему обоих диалектов марийского языка [22, с. 31], но признает его наличие только в падежной системе луговосточного литературного языка [22, с. 33]. Финский ученый А. Алхониemi не перечисляет аблатив в составе падежей луговосточного литературного языка, но считает, что аблативные формы на *-леч* и *-деч* функционально дополняют его падежную систему [23, с. 61].

По своему происхождению формант *-леч/-лец* (в материалах словаря: *-леч(ын)/-лец(ын)/-лет/-леть/-лес/-лесь*) является вторичным, образованным с помощью коаффикса *-l-*, иконы внешнеместных падежей, и уральского аблатива **-ta/-tä* [1, с. 101; 2, с. 95, 125; 3, с. 161; 21, с. 190; 24, с. 45–46], перешедшего на марийской почве в *-ч/-ц*¹⁰. В говорах марийского языка характерно появление

¹ Ломоносов М. В. Российская грамматика. СПб., 1755. С. 31.

² Пуцек-Григорович В. Сочинения, принадлежащие к грамматике черемисского языка. СПб., 1775. С. 48–51.

³ Альбинский А. Д. Черемисская грамматика. Казань, 1837. С. 10.

⁴ Там же. С. 203.

⁵ Там же. С. 217, 219.

⁶ Васильев В. М. Элементарная грамматика марийского языка. Пособие при изучении марийского языка. Краснококшайск, 1927. С. 16.

⁷ Там же. С. 68.

⁸ Там же. С. 68–69.

⁹ Castrén M. A. Elementa grammatices Tscheremissae. Kuopio, 1845. Pp. 10–14.

¹⁰ Грузов Л. П. Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. Йошкар-Ола, 1965. С. 174–189. Грузов Л. П. Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика. Йошкар-Ола, 1969. С. 166.

палатального *m'* на месте аффрикаты *č*¹. Неясным остается происхождение варианта *-лес*. По данным словаря, он выступает с указательными местоимениями *ты* 'этот', *ту* 'тог' в комбинации с компонентом *-ла* аппроксиматива в яранском и малмыжском говорах: *тулесъла ит тол* /МК/ 'больше не приходи' [20, с. 2858]; *тылесла ом Гоц, ом о'й'у* /JT/ 'больше (досл. от этого времени) не ем, не пью' [20, с. 2733] и т. д. В примерах значение аблатива с суффиксом *-лес/-лесь* темпоральное, обозначает время, начиная с которого участник ситуации прерывает свое действие по отношению к другому участнику по принуждению или по собственному

убеждению. И. Г. Иванов отмечает, что в малмыжском говоре (здесь: МК) отсутствуют аффрикаты *ч* и *ц*, для него характерно частое использование фонем *с'* и *m'*². На наш взгляд, можно проследить и влияние удмуртского аблативного аффикса *-лэсь*, тем более, что, по мнению Г. А. Некрасовой, между системами значений аблатива удмуртского и марийского языков наблюдается значительное сходство [8, с. 251–252].

В проанализированных пяти томах словаря нами зарегистрировано 442 случая с аблативом. По говорам и подговорам картина выглядит следующим образом (см. таблицу № 1 а, б):

Таблица 1 (а, б) / Table 1 (a, b)

Количественное и процентное соотношение примеров по говорам (а) /
Quantitative and percentage distribution of examples by patois (a)

Р	В	М	U	С	Ї	J	V	К
13 (3 %)	82 (19 %)	26 (6 %)	173 (39 %)	57 (13 %)	42 (9,5 %)	47 (10 %)	2 (0,4 %)	– (0 %)

Количественное соотношение примеров по подговорам (б) /
Quantitative and percentage distribution of examples by subdialects (b)

Р	В	VJ	VJp	М	МК	ММ	UJ	UP	US	USj	CK	CÜ	Ї	ЇN	JT	JO	V	К
13	56	16	10	7	15	4	17	137	4	15	52	5	30	12	21	26	2	–

Между двумя крупными диалектами марийского языка и их говорами примеры распределены таким образом (см. табл. № 2):

Таблица 2 / Table 2

Количественное и процентное соотношение примеров по двум диалектам и говорам диалектов /
Quantitative and percentage ratio of examples in two dialects and patois of dialects

Западный диалект / Western dialect				Восточный диалект / Eastern dialect			
49 (11,1 %)				393 (88,9 %)			
горно-лесной говор КА КJ КK КM КN KŠ	липшинский говор	северо-западный говор V JO	йошкар-олинский говор JT JK JŠ JP CČ	луговой говор CÜ CK Ć ĆN UJ	вятско-уфимский говор M MK MM UP US USj P B VJ VJp		
–	–	28	21	116	277		

Из таблицы видно, что больше всего примеров зафиксировано в восточном диалекте (393 или 88,9%), и что процесс убывания случаев идет в направлении с востока на запад: вятско-уфимский говор (277), луговой говор (116), северо-западный говор (28), йошкар-олинский (21). Среди военнопленных-информантов Э. Беке не было предста-

вителя из населенного пункта Липша. Не зафиксированы нами примеры в горно-лесном говоре, хотя респондентов с горной стороны было 6 человек. Вполне вероятно, что к началу XX века аблативная семантика выражалась уже аналитически с помощью послелогов *гъиц(ын)* 'из' и *доц/ дориц(ын)* 'от'. Падежное окончание *-лец* сохранилось

¹ Грузов Л. П. Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика. Йошкар-Ола, 1969. С. 166.

² Иванов И. Г. Марий диалектологий. Университетсье студент-влаклан тунемме книга. Йошкар-Ола, 1981. С. 65.

в комбинации с указательными местоимениями *ти* 'этот' и *ты* 'тот, те': *тилец анзыц* 'до этого', *тилец вара* 'после этого', *тилец гач* 'сверх этого, кроме этого' и т. д. [25, с. 159, 170].

Проанализированный материал показывает, что форму аблатива могут иметь все именные части речи. Чаще всего формант *-леч/-лец* выступает с именами существительными (184)¹, с местоимениями (131), с именами числительными (54), с причастиями, перешедшими в разряд субстантивов (61), с именами прилагательными (13). Выявлен один случай с наречием: *ен кечынлеч кечын пушо йўйш тўнғәлын* /В/ 'человек изо дня в день все больше начал пить' [20, с. 2039]. Наречие времени *кечын* 'каждый день' образовано с помощью окончания генитива *-н* от слова *кече* 'день'. Аблатив выполняет временную функцию, используется для обозначения непрерывности, длительности действия участника ситуации. В примерах с именами прилагательными в большинстве случаев используются адъективы с суффиксом *-се*, образованные от слов с временным значением: *тачысе* 'сегодняшний' (1): *тас'с'ылеч куатле* /С/ 'сильнее по сравнению с сегодняшним' [20, с. 2694]; *ўмәсе* 'прошлогодний' (3): *те-нейе имаис'ылеч шурно мол шочо* /В/ 'в этом году урожая уродилось больше по сравнению с прошлым годом' [20, с. 1459]; *он'д'жыле ватым нальым, ўдырым пушым марпан (ўмас'с'ылеч ожны)* /УР/ 'в позапрошлом году я женился, выдал дочь замуж (перед прошлым годом)' [20, с. 1684]; *ожсо* 'прежний' (4): *шурнун акше мўнгө (ошс'ылеч шулдештын)* /В/ 'цена хлеба упала (по сравнению с прежним подешевела)' [20, с. 1469]; *ожно пеш поян иле, ты годым ошс'ыжлеч шуко мўнгештын* /В/ 'раньше он был очень богатым, сейчас по сравнению с прежним сильно обеднел' [20, с. 1473]. В четырех случаях встречается *тошто* 'прежний, давний, старый': *виже мўнгешташ тўнғәлын тоштылечын* /СҮ/ 'по сравнению с прежним силы его начали убавляться' [20, с. 1473]; *чодра тоштылечын шуко мўнгештын* /СК/ 'лес по сравнению с прежним сильно уменьшился' [20, с. 1473] и в одном *кумылан* 'с душой, нравом': *осал кўмланлеч ни-м-ат налаш ок ли* /СК/ 'от человека со злой душой ничего не возьмешь'

¹ Примечание: количество случаев не будет совпадать с числом проанализированных предложений, так как в одном предложении могут стоять и существительные, и местоимения с аблативным суффиксом.

[20, с. 1032]. В примерах аблатив используется для выражения стандарта сравнения, при этом на ухудшение физического или материального положения участника ситуации по сравнению с предыдущими временами указывает наречие *мўнгө* 'хуже' и глагол *мўнгешташ* 'убавиться, прийти в упадок, сократиться, ослабиться'. У имен числительных аффикс *-леч/-лец* сочетается с так называемыми совместными числительными. В марийском языкознании считается, что совместные числительные употребляются лишь в формах родительного, дательного и винительного падежей с обязательным использованием притяжательных суффиксов [26, с. 129]. Нами зафиксировано 54 примера с многочисленными фонетическими вариантами: *кумўнналеч-ат* /ВJ/ 'от всех нас троих' [20, с. 1022]; *кўмльда-лец* /Ю/ 'от всех вас троих' [20, с. 1022]; *кўмльньиш(т)леч(ы)* /СН/ 'от всех их троих' [23, с. 1022]; *нылыньналеч-ат* /ВJ/ 'от всех нас четверых' [20, с. 1575]; *нўлыньдәлец* /Ю/ 'от всех вас четверых' [20, с. 1575]; *кудуньналеч-ат* /Р/ 'от всех нас шестерых' [20, с. 1067]; *кудуньдалеч-ат* /ВJ/ 'от всех вас шестерых' [20, с. 1067]; *кудыс'леч(ышт-ат)* /УSj/ 'от всех их шестерых' [20, с. 1067]; *шымыс'налеч-ат* /ВJ/ 'от всех нас семерых' [20, с. 2547]; *шымыныш(т)леч(ы)н* /СН/ 'от всех их семерых' [20, с. 2547] и т. д.

Из функций аблатива Е. И. Коведяева называется 5 [1, с. 148; 8, с. 252], Г. М. Тужаров останавливается на 7 значениях [3, с. 156–158], из которых обозначение исходной точки называет главной функцией. На базе проанализированного материала словаря нами выделено 17 значений. Подчеркнем, что при этом мы опирались на монографию Г. А. Некрасовой [8, с. 217–252], пользовались приведенной в книге терминологией:

1) темпоральное значение (75)²: *толиашым толынат, та йўмәшлеч вараиш кодыч* /В/ 'прийти ты, конечно, пришел, но от пиршества отстал' [20, с. 2787]; *корны пенгыдемеш (йўрлеч вара кошка)* /УР/ 'дорога твердеет (высыхает после дождя)' [20, с. 1809]; *лўттымы шудым шолта, ўкта ўдыржым; ти шуды йўмылеч вара маре ўдыр н'и-молеч о лўт* /УР/ 'он варит траву, придающую смелость, поит свою дочь; после того как выпивает эту траву, марийская девушка ничего не боится' [20, с. 1367]; *кече лекмылеч ожно волгыжаиш тўнғалмы годым 'тўл-дўл лин' маныт*

² В скобках приводится количество зафиксированных примеров в словаре Э. Беке.

/Ĉ/ ‘перед восходом солнца, когда начинает светать, говорят «рассветает» [20, с. 2947]. Время уточняют послелогом наречного происхождения *вара* ‘потом’, *ожно* ‘прежде’, *ончылгоч* ‘заранее, предварительно’, *ончыч* ‘сначала’;

2) значение нежелательного участника ситуации / нежелательной ситуации (53): *тока и^аалеч утлен кайыш* /Ĉ/ ‘он едва спасся от черта’ [20, с. 2780]; *минь мас’калеч с’илалтам кож-вуйышкы* /UP/ ‘я прячусь от медведя на верхушку ели’ [20, с. 2343]; *пи озажлец шы́лын* /JO/ ‘собака сбежала от своего хозяина’ [20, с. 2542];

3) значение стандарта сравнения (47): *нйшара* <...> *ойослеч, мацылеч куго* /Ĉ/ ‘хорек-вонючка больше горноста, кошки’ [20, с. 2036]; *лап^фшангы* *пйцемшы́леч кугу* /V/ ‘шершень крупнее осы’ [20, с. 1296]; *Иваны́н ватыжы урген н’и-гелеч моторын* /UP/ ‘жена Ивана сшила лучше всех остальных’ [20, с. 1568]; *оймжжж тылетьта куго* /СК/ ‘а бог больше, чем вы’ [20, с. 2703];

4) значение причины действия, состояния (40): *изи-гудеш шындылыт шўжер-торыкым шопымылеч, маче кочмылеч* /СК/ ‘в маленькой кухне ставят молочные продукты, чтобы не прокисли, чтобы кошки не съели’ [20, с. 995]; *тельым корны воктен кок мозырым шогалтылыт майакым корны йомдармылеч* /UP/ ‘зимой по обе стороны дороги ставят маяки, чтобы не потерять дорогу’ [20, с. 1399];

5) значение стимула эмоционального или ментального состояния (34): *йенлеч возжылым-ат, шўргем йошкарген тўл чучо* /V/ ‘я застенялся человека, и мое лицо загорелось’ [20, с. 2947]; *ваты шў вака кўз’ен шин’д’ж’ын, о лўт марежлеч* /UP/ ‘жена села на шею (мужа), не боится своего мужа’ [20, с. 2595]; *ндфр позорлана кайылеи, тфнйм шфргжжй йашкарга* /JO/ ‘девушка стесняется молодого человека, тогда она краснеет’ [20, с. 1954]; *шўк’шў вфргемым чимеке, намыс калыклеч* /Ĉ/ ‘если надел рваную, старую одежду, стыдно перед народом’ [20, с. 1547];

6) точка отсчета в пространстве (28): *тёр-онымбал ўстеллеч он’д’ж’ылко* /P/ ‘лавка красного уголка (ставится) перед столом’ [20, с. 2837]; *корнылеч пелны пушенгы шога (пел мозыришты)* /UP/ ‘в стороне от дороги стоит дерево (на одной стороне)’ [20, с. 1798]; *тфмбалне ойын шолга (мылечем тфмбалне)* /СК/ ‘там стоит человек (далеко от меня)’ [20, с. 2864]. Местонахождение конкретизируют послелогом с пространственным значением: *ончыко* ‘вперед’, *ўлыкё* ‘вниз’, *кўшнё* ‘вверху’, *кўшўчўн* ‘сверху’,

тораште ‘далеко’, *мўндырё* ‘далеко’, *умбаке* ‘далеко, дальше’, *тембаке* ‘близко’, *ордыжкё* ‘в сторону’, *пелке* ‘в сторону’, *пелне* ‘в стороне’;

7) значение исходного посессора при глаголах отчуждения, изъятия (27): *шольым пошкудо мари кыра, пошкудо марилеч тфвфлен налым* /СК/ ‘соседский мужчина бьет моего младшего брата, я защитил его от соседа’ [20, с. 2869]; *с’ут йенлан окс’а шагал* <...> *эре налнежы йенлеч шуп^фшыын* /UP/ ‘жадному человеку денег мало <...> всегда хочет забрать у другого (человека)’ [20, с. 2261]; *кузурак изаже шольыжлеч нйстайжым лош иштен налеш ачажын малжым* /VJp/ ‘старший брат забирает половину отцовского имущества у младшего брата’ [20, с. 2551]; *кумуньшитлеч-ат налам* /V/ ‘я заберу (это) у всех их троих’ [20, с. 1022];

8) каритивное значение с послелогом *посна* ‘без’ (23) (введено нами): *ватйлец пасна йлаш с’ай агыл* /JO/ ‘жить без жены нехорошо’ [20, с. 1924]; *одылак петрат (вольыкым), яра, окс’алеч пос’на огыт пу; окс’ам кўрыт одылак шуку марелаглеч* /UP/ ‘удмурты запирают (скот), бесплатно, без денег не дают; много денег сдирают удмурты от марийцев’ [20, с. 1126]; *тутлан вургемым ургыктышым окс’алеч пос’н’а; тутлеч окс’ам ом йот минь* /UP/ ‘я сшил для него одежду без денег; я не спрашиваю у него денег’ [20, с. 1373];

9) источник информации (восприятия, получения сведений) (15): *ойомшо ойавалам шымлем (ойынлеч ойодыштам)* /Ĉ/ ‘я исследую пропажу вещи (расспрашиваю у соседа)’ [20, с. 2551]; *минь имным налнем сайым, пошкыдылечын тёрген йодам: тудын имныжы сай, уке?* /USj/ ‘я хотел бы купить хорошую лошадь, расспрашиваю соседа: лошадь того (человека) хорошая или нет?’ [20, с. 2728];

10) значение исходного количественного ориентира (5): *те пёрнйам лўлтен ат керт тйк, тйлецет шўды тенге* /JO/ ‘если не сможешь поднять это бревно, (я получу) от тебя сто рублей’ [20, с. 2761];

11) значение меры и степени в сочетании с пролативным послелогом *гоч* ‘через; более, больше, сверх’ (4) (введено нами): ... *унав^блак калас’ат: логалмы гына огыл, вуйлеч коч лие, маным* /V/ ‘... гости говорят: мы не только поели, но и переели, говорят (досл. не только досталось еды, но сверх головы стало)’ [20, с. 1275]; ... *тыйын сомылетлеч коч лымем-ат уке гызыт, манеш* /VJp/ ‘сверх твоей работы у меня и покоя нет сейчас, говорит’ [20, с. 1226];

12) посессивные социальные отношения (3): *имньы пошкыдылеч (пошкыды нангаен миньын имньым, йодын паша лишташ) /UP/* ‘лошадь в пользовании у соседа (сосед взял мою лошадь, одолжил для работы)’ [20, с. 1929]; *мыньын окса шольбылец, пышташ пуэнам /JT/* ‘мои деньги у моего младшего брата, дал на сохранение’ [20, с. 2441];

13) посессивные значения отношения целого и части (3): *кинды кишкымылеч ваты коден р’ашым лашкалан /UP/* ‘во время выпечки хлеба жена оставила тесто для (домашней) лапши’ [20, с. 1192]; *пулдыш коды кочмылеч /UP/* ‘кусочек остался от еды’ [20, с. 2016];

14) обозначение ментального посессора *юмо* ‘бог’, к которому участник ситуации обращается с разными просьбами (3) (введено нами): *тушман шонышым умбак поктыл голты, пурьы шонышым конден пуртыз’а! (йумылеть йодыт) /UJ/* ‘желающего зла прогони далеко, желающего добро приведите (в мой дом)! (просят у бога)’ [20, с. 2929]; *юмылан пелештем, юмылеч йодам: перкем пу (кочкаш тунгалмы годым, эр дены кин’елмы годым) /UP/* ‘я молюсь богу, прошу бога: дай обилие (перед едой, утром во время подъема)’ [20, с. 1803]; *сай кумылна дене от’онен д’одына д’умулеч /M/* ‘в хорошем расположении духа мы умоляем, просим у бога’ [20, с. 1746];

15) обозначение адресата-бенефактива (2) (введено нами): *пошкудо айын мылечем каласыш эргыжлан калтак налаш /Č/* ‘сосед сказал мне,

чтобы я купил шапку его сыну’ [20, с. 1435]; *шке пазарш ок ми, нами^иен шумо пужо фло, мылечем каласыш йжсалаш /Č/* ‘он сам не идет на базар, но там у него доставленные (для продажи) дрова, он сказал мне, чтобы я продал (их)’ [20, с. 1435];

16) источник, исходное состояние участника ситуации (2): *адеме пушенгеи^и шкенжым с’акен пуштеш, тутлеч лийеш тарвылтыш; вудеш пурен гайен колишо йенлеч лийеш /B/* ‘человек вешается на дереве, из него будет леший; из утопленника будет (леший)’ [20, с. 2686]; *ача лиштен, авалеч шочынам /UP/* ‘отец создал меня, от матери я родился’ [20, с. 2469];

17) собственно посессивное значение (1): *талач (< тылечет) мо тул? /UP/* ‘у тебя что ли огонь?’ [23, с. 2761].

Заключение

Анализ языкового материала показывает, что аблатив широко используется в восточном диалекте, хорошо сохранился в северо-западном говоре западного диалекта. Аблативная форма может стоять как в единственном, так и во множественном числе, может оформляться лично-притяжательными суффиксами. Падежу присущи как собственно пространственные, так и непространственные функции. В семантической структуре выделено 17 значений. Аблатив является полноценным падежом и может занять достойное место в падежной системе марийского языка.

1. Коведяева Е. И. Типологическая эволюция системы локальных падежей в истории марийского языка // Историко-типологические исследования по финно-угорским языкам. М. : Наука, 1978. С. 49–154.

2. Коведяева Е. И. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам. Марийский язык. М. : Наука, 1987. 160 с.

3. Тужаров Г. М. Аблатив в марийском языке // Finno-Ugristica 15. Вопросы грамматики и лексики финно-угорских языков. Tartu, 1989. С. 155–161.

4. Тужаров Г. М. Абессив в марийском национальном языке // СФУ 4. № 3. Таллин, 1983. С. 173–183.

5. Тужаров Г. М. Каузатив в марийском языке // СФУ 8. № 1. Таллин, 1984. С. 34–41.

6. Тужаров Г. М. Аппроксиматив и элатив: имеют ли статус падежа в марийском языке? // Финно-угроведение. Йошкар-Ола, 1999. № 2–3. С. 193–197.

7. Викстрём О., Зорина З. Г. Падежная система современного горномарийского языка. Йошкар-Ола, 2010. 164 с.

8. Некрасова Г. А. Категория падежа имени существительного в пермских языках. Сыктывкар, 2023. 516 с. URL: <http://elib.komisc.ru/uploads/books/Nekrasova-Kategorija-padezha-imeni-syshestvitelnogo-v-permskih-jasykah/> (дата обращения 19.05.2025).

9. Федотов М. Л. Полисемия показателей аблатива и элатива в финских говорах центральной Ингерманландии // Acta Linguistica Petropolitana, 2012. С. 371–445. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polisemiya-pokazateley-ablativa-i-elativa-v-finskih-govorah-tsentralnoy-ingermanlandii> (дата обращения 03.05.2025).

10. Карпова Л. Л., Кондратьева Н. В. Система пространственных падежей в современном удмуртском языке: литературный язык vs диалекты // Финно-угорский мир. 2014. № 3 (20). С. 32–37. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22911746> (дата обращения: 03.05.2025).

11. Кондратьева Н. В. Илатив или терминатив? К вопросу о семантической структуре входного и предельного падежей в удмуртском языке // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2011. № 1. С. 159–164. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/illativ-ili-terminativ-k-voprosu-o-semanticheskoy-strukture-vhodnogo-i-predelnogo-padezhey-v-udmurtskom-yazyke> (дата обращения 19.05.2025).

12. Максимов С. А. Вторичные пространственные падежи в удмуртском языке: эволюция исследования и терминологии, причины формирования // Урало-алтайские исследования. 2018. № 1 (28). С. 33–48. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32769933> (дата обращения: 03.05.2025).
13. Erkillä R. How to distinguish between semantically close cases: A case study of Mordvin illative and lative // Вопросы языкознания. 2022. № 5. С. 86–107. DOI: <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2022.5.86-107>
14. Зорина З. Г., Каргашова Е. П., Бердинская И. А. О лишительном падеже в горномарийском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 9 (75). Ч. 2. С. 115–118. URL: <https://www.gramota.net/article/phil20172130/fulltext> (дата обращения 27.05.2025).
15. Давидюк Т. И. Латив в горномарийском языке // Acta Linguistica Petropolitana, 2018. С. 195–215. DOI: <https://doi.org/10.30842/alp2306573714208>
16. Давидюк Т. И., Студеникина К. А. Элативный показатель и значение точки приложения в горномарийском языке // Acta Linguistica Petropolitana. 2019. Т. 15. № 2. С. 60–85. DOI: <https://doi.org/10.30842/alp2306573715203>
17. Хомченкова И. А. Способы выражения комитативных значений в горномарийском языке // Проблемы языка. Сборник научных статей по материалам Шестой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». М., 2018. С. 226–248.
18. Хомченкова И. А. Показатель -ge в горномарийском языке: между комитативом и аддитивной частицей // Acta Linguistica Petropolitana, 2019. Т. 15. № 1. С. 405–438. DOI: <https://doi.org/10.30842/alp2306573715118>
19. Хомченкова И. А. Способы выражения каритивной семантики в горномарийском языке // Linguistica Uralica. Т. LVIII. № 4. Tallinn, 2022. С. 287–306.
20. Beke Ö. Mari nyelvjárás szótár / Tscheremissisches Dialektwörterbuch. Tomus 4-8. Unter Mitarbeit von Zsófia M. Velenyák und †József Erdődi. Neu redigiert von Gábor Bereczki. Bearbeitet von Margarita Kuznetsova. Herausgegeben von János Pusztay // Bibliotheca Ceremissica, IV/4-8. Savariae, 1998–2001. S. 969–3005.
21. Beke Ö. Cseremisiz nyelvtan // Finnugor Füzetek 16. Budapest, 1911. 384 o.
22. Bereczki G. Chrestomathia Ceremissica. Budapest, 1990. 172 o.
23. Alhoniemi A. Grammatik des Tscheremissischen (Mari). Mit Texten und Glossar. Aus dem Finnischen übersetzt von Hans-Hermann Bartens. Hamburg, 1993. 254 s.
24. Bereczki G. A cseremisiz nyelv történeti alaklata // Studies in Linguistics of the Volga-Region. Supplementum I. Debrecen, 2002. 290 o.
25. Саваткова А. А. Словарь горного наречия марийского языка. Йошкар-Ола, 1981. 256 с.
26. Современный марийский язык. Морфология. Йошкар-Ола, 1961. 324 с.

Статья поступила в редакцию 02.06.2025 г.; одобрена после рецензирования 08.07.2025 г.; принята к публикации 14.08.2025 г.

Об авторе

Кузнецова Маргарита Нифонтовна

кандидат филологических наук, доктор философии по лингвистике (Ph. D.), доцент кафедры финно-угорской и сравнительной филологии, Марийский государственный университет (424000, Российская Федерация, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7424-0566>, rita.kuznetsova54@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

1. Kovedyaeva E. I. Tipologicheskaya ehvoljutsiya sistemy lokal'nykh padezhei v istorii mariiskogoazyka [Typological evolution of the local case system in the history of the Mari language]. *Istoriko-tipologicheskie issledovaniya po finno-ugorskim yazykam* = Historical and typological studies of the Finno-Ugric languages. M., Science Publ., 1978, pp. 49–154. (In Russ.).
2. Kovedyaeva E. I. Areal'nye issledovaniya po vostochnym finno-ugorskim yazykam. Mariiskii yazyk [Areal studies on eastern Finno-Ugric languages. Mari language]. M., Science Publ., 1987, 160 p. (In Russ.).
3. Tuzharov G. M. Ablativ v mariiskomazyke [Ablative in the Mari language]. *Finno-Ugristica 15. Voprosy grammatiki i leksiki finno-ugorskich yazykov* = Finno-Ugristica 15. Questions of grammar and vocabulary of Finno-Ugric languages. Tartu, 1989, pp. 155–161. (In Russ.).
4. Tuzharov G. M. Abessiv v mariiskom natsional'nomazyke [Abessive in the Mari national language]. *SFU 4*, no. 3, Tallin, 1983, pp. 173–183. (In Russ.).
5. Tuzharov G. M. Kauzativ v mariiskomazyke [Causative in the Mari language]. *SFU 8*, no. 1, Tallin, 1984, pp. 34–41. (In Russ.).
6. Tuzharov G. M. Approksimativ i elativ: imeyut li status padezha v mariiskomazyke? [Approximative and elative: do they have case status in the Mari language?]. *Finno-ugrovedenie* = Finno-Ugric studies, Ioshkar-Ola, 1999, no 2–3, pp. 193–197. (In Russ.).
7. Vikstrem O., Zorina Z. G. Padezhnaya sistema sovremennogo gornomariiskogoazyka [Case system of the modern Hill Mari language]. Yoshkar-Ola, 2010, 164 p. (In Russ.).
8. Nekrasova G. A. Kategoriya padezha imeni sushchestvitel'nogo v permskikh yazykakh [The category of the noun case in the Permian languages]. Syktyvkar, 2023, 516 p. Available at: <http://elib.komisc.ru/uploads/books/Nekrasova-Kategorija-padezha-imeni-syshestvitel'nogo-v-permskih-jasykah/> (accessed 19.05.2025). (In Russ.).

9. Fedotov M. L. Polisemiya pokazatelei ablativa i elativa v finskikh govorakh tsentral'noi Ingermanlandii [Polysemy of ablative and elative markers in Finnish dialects of central Ingria]. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2012, С. 371-445. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/polisemiya-pokazateley-ablativa-i-elativa-v-finskikh-govorah-tsentralnoy-ingermanlandii> (accessed 03.05.2025). (In Russ.).
10. Karpova L. L., Kondrateva N. V. Sistema prostranstvennykh padezhei v sovremennom udmurtskom yazyke: literaturnyi yazyk vs dialekty [System of spatial cases in the modern Udmurt language: literary language vs dialects]. *Finno-ugorskii mir = Finno-Ugric world*, 2014, no. 3 (20), pp. 32–37. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22911746> (accessed 03.05.2025). (In Russ.).
11. Kondrat'eva N. V. Illativ ili terminativ? K voprosu o semanticheskoi strukture vkhodnogo i predel'nogo padezhei v udmurtskom yazyke [Illative or terminative? On the semantic structure of the introductory and limiting cases in the Udmurt language]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva = Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev*, 2011, no. 1, pp. 159–164. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/illativ-ili-terminativ-k-voprosu-o-semanticheskoy-strukture-vkhodnogo-i-predel'nogo-padezhey-v-udmurtskom-yazyke> (accessed 19.05.2025). (In Russ.).
12. Maksimov S. A. Vtorichnye prostranstvennye padezhi v udmurtskom yazyke: evolyutsiya issledovaniya i terminologii, prichiny formirovaniya [Maksimov S. A. Secondary spatial cases in the Udmurt language: evolution of research and terminology, reasons for formation]. *Uralo-altaiskie issledovaniya = Ural-Altai studies* 2018, no. 1 (28), pp. 33–48. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32769933> (accessed 03.05.2025). (In Russ.).
13. Erkillä R. How to distinguish between semantically close cases: A case study of Mordvin illative and lative. *Voprosy Jazykoznanija*, 2022, no. 5, pp. 86–107. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2022.5.86-107>
14. Zorina Z. G., Kartashova E. P., Berdinskaya I. A. O lishitel'nom padezhe v gornomariiskom yazyke [On abessive case in the hill Mari language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice*, 2017, no. 9 (75), part 2, pp. 115–118. Available at: <https://www.gramota.net/article/phil20172130/fulltext> (accessed 27.05.2025). (In Russ.).
15. Davidyuk T. I. Lative v gornomariiskom yazyke [Lative in Hill Mari]. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2018, pp. 195–215. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30842/alp2306573714208>
16. Davidyuk T. I., Studenikina K. A. Elativnyi pokazatel' i znachenie tochki prilozheniya v gornomariiskom yazyke [Elative marker in construction with physical contact verbs in Hill Mari]. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2019, vol. 15, no. 2, pp. 60–85. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30842/alp2306573715203>
17. Khomchenkova I. A. Sposoby vyrazheniya komitativnykh znachenii v gornomariiskom yazyke [Ways of expressing comitative meanings in the Hill Mari language]. *Problemy yazyka. Sbornik nauchnykh statei po materialam Shestoi konferentsii-shkoly "Problemy yazyka: vzglyad molodykh uchenykh" = Problems of language. Collection of scientific articles based on the materials of the Sixth conference-school "Problems of language: the view of young scientists"*. M., 2018, pp. 226–248. (In Russ.).
18. Khomchenkova I. A. Pokazatel' -ge v gornomariiskom yazyke: mezhdru komitativom i additivnoi chastitsej [The affix -ge in Hill Mari: between a comitative and an additive particle]. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2019, vol. 15, no. 1, pp. 405–438. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30842/alp2306573715118>
19. Khomchenkova I. A. Sposoby vyrazheniya karitivnoi semantiki v gornomariiskom yazyke [Ways of expressing caritive semantics in the Hill Mari language]. *Linguistica Uralica*, vol. LVIII, no. 4, Tallinn, 2022, pp. 287–306. (In Russ.).
20. Beke Ö. Mari nyelvjárás szótár / Tscheremissisches Dialektwörterbuch. Tomus 4-8. Unter Mitarbeit von Zsófia M. Velenyák und †József Erdödi. Neu redigiert von Gábor Bereczki. Bearbeitet von Margarita Kuznecova. Herausgegeben von János Pusztay. Bibliotheca Ceremissica, IV/4-8. Savariae, 1998-2001, s. 969–3005. (In Hungarian).
21. Beke Ö. Cseremiszy nyelvtan. *Finnugor Füzetek* 16. Budapest, 1911, 384 o. (In Hungarian).
22. Bereczki G. Chrestomathia Ceremissica. Budapest, 1990, 172 o. (In Hungarian).
23. Alhoniemi A. Grammatik des Tscheremissischen (Mari). Mit Texten und Glossar. Aus dem Finnischen übersetzt von Hans-Hermann Bartens. Hamburg, 1993, 254 s. (In Germ.).
24. Bereczki G. A cseremiszy nyelv történeti alaklana. *Studies in Linguistics of the Volga-Region. Supplementum I*. Debrecen, 2002, 290 o. (In Hungarian).
25. Savatkova A. A. Slovar' gornogo narechiya mariiskogo yazyka [Dictionary of the mountain dialect of the Mari language]. Yoshkar-Ola, 1981, 256 p. (In Russ.).
26. Sovremennyy mariiskiy yazyk. Morfoloziya [Modern Mari language. Morphology]. Yoshkar-Ola, 1961, 324 p. (In Russ.).

The article was submitted 02.06.2025; approved after reviewing 08.07.2025; accepted for publication 14.08.2025.

About the author

Margarita N. Kuznetsova

Ph. D. (Philology), Ph. D. (Linguistics), Associate Professor of the Department of Finno-Ugric and Comparative Philology, Mari State University (1 Lenin Sq., Yoshkar-Ola 424000, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7424-0566>, rita.kuznetsova54@yandex.ru

The author has read and approved the final manuscript.